

Общаги отдельно, казармы отдельно!

27 ноября в Иркутске прошёл пикет, организованный АД-Иркутск и СКТ-Шелехов, посвящённый реформе в сфере образования. Были растяжки «Знание не товар» и «Общаги отдельно, казармы отдельно!». Нашей задачей было информировать студентов и учащихся о проводимых реформах правительства.

Мы попытались создать зародыш собственного мнения в головах молодых людей, показать им альтернативу и путь к сопротивлению коммерциализации знаний. Листовки брали охотно, некоторые спрашивали, как изменить сегодняшнюю ситуацию с высшим образованием, почему государство отказывается от ВУЗов и продаёт их неизвестно кому.

Текст листовки таков:

Студенты!

В недалёком будущем правительство планирует провести ещё несколько крупных реформ, направленных на «демократизацию» страны и «переход к рыночным отношениям». С 1 января 2007 года в нашей стране останется только два вида высших учебных заведений: федеральные и негосударственные. К федеральным, то есть привилегированным, будут относиться лишь те ВУЗы, которые либо созданы по решению Правительства РФ, либо переданы Правительству регионами в соответствии с перечнями, утвержденными все тем же Правительством РФ. Остальные – невезучие – ВУЗы, перейдут в разряд негосударственных, то есть автоматически лишатся какого-либо бюджетного финансирования, включая региональное. Более того, с 1 января 2005 по 1 января 2007 гг. все нефедеральные ВУЗы имеют законное право отменить у себя бесплатное образование.

Отмена льгот без «монетизации»

Закон 122 вообще отменяет бюджетное финансирование общежитий, в том числе и для федеральных ВУЗов. К тому же отменяется все льготы для студентов по проезду в общественном транспорте.

Почему так получается и что мы должны делать?

За 70 лет тотального контроля люди чересчур привыкли, что власть все делает и обдумывает за них. С такой безответственной привычкой надо бороться. Нам дали возможность свободного волеизъявления. Ей надо пользоваться. Если власть нарушает наши свободы, против этого надо активно протестовать.

Капитализм: прибыль – все, остальное – ничто.

Нужно организовывать другие студенческие и преподавательские профсоюзы, не связанные с официальными государственными профсоюзами. Эти объединения не должны иметь иерархической структуры и должны быть основаны на полной свободе. Решения по тем или иным важным вопросам должны приниматься участниками таких профсоюзов совместно – общим голосованием. Официальные профсоюзы – это коррумпированные и неэффективные организации, боссы которых устраивают тайные договоры с государством за спиной простых трудящихся.

Нам не нужно ни советское образование, готовившее специалистов военно-промышленного комплекса и пропагандистов для идейной обработки народа, ни то образование, которое нам готовят.

Образование должно быть приспособлено к интересам не общества буржуев и бюрократов, а рабочей демократии, построенной на прямом участии всех трудящихся в принятии решений через советы, органы производственного самоуправления».

Движение либертарных социалистов «Автономное Действие».

новости

Благотворительный концерт

26 ноября в Иркутске участниками движения «Автономное Действие» и инициативы «Food not bombs» был проведён благотворительный d.i.y.-концерт. Собранные деньги, как и в прошлом году, пойдут на новогодние подарки для воспитанников детского дома в селе Урик. Участвовали такие панк/хардкор/краст/эмо группы как Revive the freedom, 180SPIN, JC TRIBE, Вегатив и Глазами Клоуна.

Экологи и автономы – не граждане?

26 декабря в Иркутске администрация области проводила Форум «Гражданское участие», куда съехались общественные некоммерческие организации. Это мероприятие решили посетить активисты «Байкальской Экологической Волны» и «АД» (группы городов Шелехова и Иркутска) с целью информирования участников форума о незаконном строительстве нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» по берегу Байкала. Как оказалось, мы там были нежелательными гостями. Нас попросили «резко удалиться из зала, так как нас никто сюда не приглашал». На вопрос: «Разве мы не граждане?» нам посоветовали не умничать и прекратить самодеятельность. Видимо, у Администрации области свои мысли насчёт того, как складывается самоуправление и самоорганизация общества (а ведь так хорошо написано в наших газетах про то, что инициатива должна идти с низов).

На улице перед входом здания, где проходил форум, мы встали с растяжкой «Нефть вместо воды?!!» и начали раздавать участником форума буклеты с коварным планом «Транснефти». НКОшники негативно отзывались о строительстве и охотно ставили свои подписи «против».

борьба

Никто не даст нам избавленья…

Уверен, не каждому удавалось почувствовать себя таким классическим революционером-подпольщиком, ведущим разлагающую агитационную работу среди угнетенных масс. В наше время, кажется, такой архаизм можно встретить лишь в старых советских черно-белых фильмах. Но, благодаря сотрудникам службы безопасности ИркАЗа я смог увидеть такой фильм в цвете и даже сыграть в нем главную роль. Служба безопасности, соответственно, играла жандармов, или как еще на революционном сленге – прихвостней узурпаторов, ищеек толстосумов-эксплуататоров. Все было выдержано в лучших традициях – реквизит, сценарий. Массовка (рабочие), правда, подкачала.

Меня «арестовали» 25 ноября в ночную смену, прямо на рабочем месте и, ничего не объясняя, повели через весь цех (два охранника по бокам). Недоуменные взгляды работяг, которые знают меня не один год... Я совсем не был похож на того революционера из фильма – ни пламенного взора, ни гневных, обличающих речей – потухшие глаза и ссутулившаяся фигура, еле передвигающая ноги. Да и рабочие не спешили с ломами и отбойниками наперевес отбивать меня у охраны. Честно говоря, я плохо соображал тогда, что происходит. А вы пробовали три ночи подряд отработать на горячем производстве и потом еще ехать на допрос? Впрочем, служба безопасности действовала в духе всех подобных служб – взять человека, когда он больше всего беззащитен и растерян. И еще – я испугался. Ох уж этот страх, пронесенный еще из советских времен, когда ни в чем не виноват, а чувствуешь себя виновным во всех грехах.

Все шло согласно сценарию, жандармы хорошо знали роль. На мои глупые вопросы, по какому поводу меня задержали и в чем, собственно, дело, – туманные ответы: «А ты что, не знаешь?» (удивленно-возмущенный взгляд), – «Приедем, разберемся» (грозным голосом), «А вот ты нам сейчас и расскажешь, в чем дело» (удовлетворенным тоном, мол, разоблачили-таки предателя и шпиона).

Пять минут на машине – и мы в конторе СБ. Меня заводят в кабинет, за столом сидит некто очень официальный. Действующие лица занимают свои места,

фильм продолжается. Некто начинает допрос:

- Ну, расскажите нам все подробно.

- А что именно?

- А Вы не знаете?

- Не знаю...

- А что Вы делаете в свободное время, чем увлекаетесь?

- Ну, компьютер, книжки...

- А политические взгляды?

- А Вы почему спрашиваете и вообще, представьтесь...

- Родоманов, начальник СБ ИркАЗа. Итак, не будем ходить вокруг да около. Расскажите, как вы распространяли газету экстремистского содержания на заводе.

Мне жаль. Жаль, что я не учел возможность такого оборота событий, не проиграл заранее ситуацию. На тот момент мне не хватило знаний, которые позволили бы мне послать этих бывших ментов и рубоповцев, а ныне «сотрудников заводской СБ», куда подальше. Это сейчас уже, вооруженный советами бывалых людей и собственным опытом я могу себе позволить изменить сценарий, написать его по-своему. Тогда же, зажатый в тисках собственного страха, измученный недосыпом, я покорно отвечал на вопросы и вяло защищался. Мне было предъявлено следующее – На заводе обнаружена газета «Шелеховский рабочий», ряд статей в которой носит явно экстремистский характер, о чем свидетельствуют призывы к разрушению оборудования, саботажу, и борьбе с хозяевами-начальниками. По выходным данным в газете через ФСБ стали известны лица, которым принадлежат e-mail (мой) и номер сотового (товарища). Мне мельком показали два запроса в региональное ФСБ от заводской СБ, сказали, что поскольку я работаю на режимном предприятии, нашей «инициативной группой рабочих» занимается ФСБ, мы у них в разработке как террористическая группа. И что мы, конечно, полностью разоблачены и им, СБ, все известно. Мне было предложено составить письменно список всех занятых в выпуске и распространении газеты (особенно интересовались нашими товарищами с ИркАЗа), и подробно описать деятельность нашей группы. Взамен СБ отпустит меня домой и больше никаких претензий с их стороны ко мне не будет. Правда вот с ФСБ мне предстояло разбираться самому. В противном случае меня прямо сейчас везут в Иркутск и сдают в ФСБ, где меня оформляют на 30 суток, там меня ломают и я сдаю всех, но уже вряд ли выйду оттуда здоровым человеком. «Вообще, в ФСБ такие звери работают, я на них в свое время насмотрелся, и бандитов они крышуют и человека порешить им ничего не стоит» – доверительно сообщил мне бывший рубоповец, заместитель господина Родоманова. ФСБ вообще упоминалось через каждое предложение и даже такому дураку как я было ясно, что лучше рассказать все чутким и отзывчивым друзьям из заводской СБ, чем беспощадным садистам из ФСБ.

Я же почему-то заупирался и сдавать никого не стал, хотя и раскаялся в распространении зловредной газетенки. Изумленным такой тупостью сотрудникам СБ ничего не оставалось, как привезти моего отца с работы (мы работаем в одном цехе), предварительно запугать его (т.е. объективно обрисовать ситуацию), и заставить уговорить меня назвать сообщников. Увы, тут их ждала неудача. Вконец ошалевшие от моего слабоумия, подчиненные г.Родоманова, стали расписывать в ярких красках мое и моих близких незавидное будущее, которое ждет нас из-за моего преступного упрямства. Попутно они сливали разного рода интересную информацию. Так я узнал, что слухи о прослушке телефонов в городе – не досужий домысел. Были озвучены некоторые сведения о товарищах в теме – по этому я мог судить об информированности СБ. Было сказано, что наш мэр – ставленник ИркАЗа и вообще весь город под ИркАЗом. Вобщем, я понял с их слов, что после всего, что я натворил, у меня и моих родных в этом городе не будет ни работы, ни спокойной жизни.

Сейчас уже кажется, что нельзя воспринимать все это иначе, как полный бред. Но опыт работы в правоохранительных органах позволил сотрудникам СБ так умело разыграть спектакль, что поверил в него не только я, но и, похоже, они сами. Надо отдать должное, несмотря на отсутствие чести и совести, профессиональные навыки у них вполне на уровне, хотя здесь это, наверное, взаимоисключающие понятия.

Итак, после трех часов допроса, меняя друг друга, бодрые и выспавшиеся охранники все-таки устали. Было предложено в качестве компромисса сдать весь имеющийся у меня тираж газеты и ее оригинал-макет. Тут же поехали ко мне домой, где я «добровольно» выдал остатки тиража и уничтожил (удалил в корзину) электронный вариант газеты. Меня даже попросили сделать копию им «на память», т.е. для отчетности, поскольку «дело» на контроле у ген.директора, после чего меня повезли к тов.Ш, рабочему одного из предприятий города. По дороге мне предложили, дабы обойтись без насилия и связанных с ним последствий, уговорить тов.Ш также «добровольно» выдать имеющиеся у него экземпляры газеты, «иначе будет плохо всем». Пораженный осведомленностью и заботой охранников, я согласился. Напоследок, тщательно пересчитав кол-во экземпляров, товарищу Ш посоветовали «пересмотреть свои убеждения». Все было обставлено вполне «законно» – присутствовавший при этом работник милиции составил «протокол добровольной выдачи».

Вот и все, дальше было уже не так интересно. Мои родные – в шоке, мои товарищи по работе – в шоке, мои товарищи по делу – шлют письма протеста в администрацию и делают огласку. Порадовало то, что с работы в тот же день приходили мужики и предлагали помощь. На работе потом все сочувствовали, ругали начальство и предлагали собрать подписи в мою защиту. Такая вот у нас солидарность.

Через несколько дней меня вызывает старший мастер, мычит что-то невразумительное о ФСБ (!) и предлагает уволиться «по собственному желанию», или меня подставят и уволят по статье.

НОВОСТИ

«Философские» разногласия

9 января – 101-я годовщина Первой Русской революции. В этот знаменательный день в дискуссионном клубе КПРФ я прочитал доклад об идеологии анархизма.

Как всегда и у всех, основной довод против анархизма – рассуждения о несовершенстве человеческой природы. Что на это можно возразить? Во-первых, если бы человеческая природа был совершенна, никакие перемены бы не понадобились. Власть заботилась бы о народе, а народ почитал власть.

Но человеческая природа несовершенна, господ развращает власть, рабов – подчинение. Во-вторых, при помощи рассуждений о человеческом несовершенстве можно оправдать любой общественный строй и осудить любую революционную или реформистскую идею. В Англии начала XIX века глава правительства герцог Веллингтон возражал против всеобщего избирательного права при помощи аргументов вроде: «Человеческая природа неспособна достичь совершенства».

Забавный диалог с философом Коноплевым при обсуждении доклада.

– Анархизм доказал свою теоретическую беспомощность перед лицом марксизма.

– Анархисты предвидели могущество бюрократии в XX веке, а Маркс этого не понимал.

– Если бы вы читали Маркса...

– Я не законспектировал полное собрание сочинений Маркса, как это, вероятно, сделали вы, но Маркса я читал.

– Гоголевский Петрушка тоже книги читал.

– Это уже оскорбления, а не дискуссия.

– А мне нравится оживленный стиль дискуссии.

– Можно его еще больше оживить, например, подраться.

Но подраться ведущий нам не разрешил.

Я начинаю носить диктофон. Вызов в ГОВД, где мне показывают заявление на имя Алексеева, начальника Шелеховского ГОВД, подписанное Гринбергом И.С., гендиректором «СУАЛ-ИркАЗ». В заявлении сообщалось о «появлении на территории предприятия газеты «Шелеховский рабочий», в которой содержатся материалы, негативно отражающие роль профсоюзов, дестабилизирующие обстановку на заводе и способные спровоцировать социальный взрыв в городе. Прошу принять меры к розыску лиц, причастных к выпуску данной газеты и дать правовую оценку случившемуся.» – то, что в кавычках – это практически дословно из заявления я запомнил. Было еще что-то про нарушение закона о печати и т.д.

Дознаватель Майстренко сказал, что оснований для возбуждения уголовного дела нет, но на заявление он должен отреагировать и взять с меня объяснение. В папке, где было заявление я увидел экз. нашей газеты и кучу каких-то официальных документов с печатями. Разумеется, я сказал, что ничего не знаю и что со мной уже «беседовала» заводская СБ. Майстренко сказал, что об этом ему известно, но он хотел бы услышать от меня лично. Вобщем повторялись те же вопросы, только без нажима и угроз, Майстренко несколько раз подчеркивал, что наша беседа носит неофициальный характер и говорил в дружелюбном тоне. Его интересовали мои убеждения, фамилии товарищей, занимающихся т.н. «подпольной» деятельностью, кто за этим всем стоит и все в таком же духе. Спрашивал, нет ли у меня после «всего этого» проблем на работе. Я все-таки спросил его, какое отношение имеет ФСБ к происходящему, он ответил что не в курсе.

Итог «беседы»:

1. Мое объяснение, в котором по газете и «деятельности» – ничего, кроме «не знаю, не помню», но подробно о том, как меня взяла заводская охранка.

2. Бланк повестки с печатью и 70 минут разговора с Майстренко, незаметно для него записанные на цифровой диктофон.

Потом был звонок из гор. администрации от зам. мэра по связям с общественностью. Они получили несколько писем протеста по моему делу, интересовались подробностями и обещали провести проверку. После этого был разговор с зам.генерального по производству, где мне открытым текстом было сказано, что руководство очень недовольно тем, что я даю огласку происшедшему, предложили «все забыть» в обмен на мое молчание и предупредили, что если моя фамилия еще раз засветится в подобных делах – уволят тут же без разговоров. Еще один вызов в ГОВД, где мне показали отказ прокурора в возбуждении уголовного дела, и протокол о передаче дела в мировой суд по статье 13.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях «Нарушение Закона о печати». Дальше была встреча с представителями официального профсоюза ГМПР (один экземпляр попал к ним), из которой я понял, что немного подкорректировав свои взгляды я вполне могу сделать карьеру на этом поприще.

Что я вынес из всего этого? Опыт, конечно. Одно дело изучать теорию, глядя на жизнь из окна, и совсем другое – пытаться изменить мир практически. Оказалось, что мое субъективное понимание справедливости и мироустройства противоречит пониманию жизни моих начальников. И мы, простые рабочие, для них – бесправная скотина, быдло.

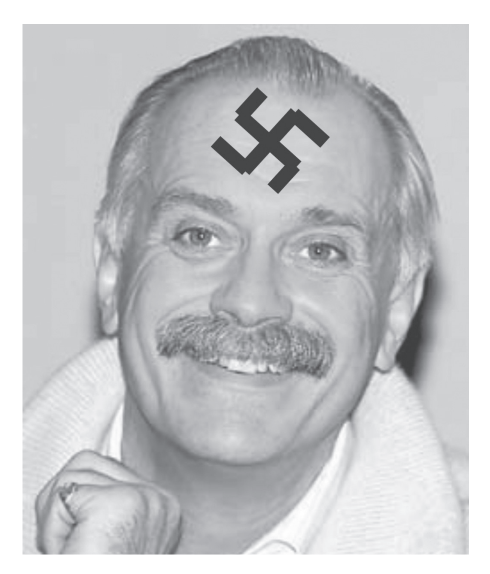
Еще я понял, что терять мне, в общем-то, нечего, как тому пролетарию, кроме тяжелой и вредной для здоровья работы за мизерную зарплату. Абстрактный капитализм превратился в подлость моего начальника, молчание заводского профкома и морды охранников, которые, как собаки, отрабатывая объедки со стола хозяина, готовы загрызть любого непокорного раба.

Я знаю, что при существующем порядке (а вернее – беспорядке) у меня нет будущего, как нет его и у остальных рабочих. Что мы выберем – диктатуру и участь рабов, или жизнь в свободном обществе на основах самоуправления?

А. К.

мнение

Новые черносотенцы – перевертыши и дилетанты.

Трудно не поддаться одуряющей пропаганде, как было сказано в одном из анархических изданий, «побитой молью имперской идеи».

Парадокс: страна разуверилась в «коммунизме», который у нас был 70 лет, на глазах рассыпается и без того побитая пулями и снарядами во многих местах компартия (ее сторонники – пенсионеры вымирают от старости). И вот теперь идеи царизма пропагандируются, как будто бы не встречая сопротивления среди населения. Шастает везде главный пропагандист этой идеи – режиссер Никита Михалков и иже с ним, пропагандируют эту идею многочисленные батюшки на ТВ, вроде митрополита Кирилла и дьякона Кураева (кстати, еще один парадокс – Кураев до церкви был комсомольцем и в МГУ отвечал за пропаганду атеизма. Вот ведь перевертыш!). Не забыли, видать, как шоколадно церковникам при царе-батюшке жилось, когда священники фактически занимали посты полицейских чиновников. На местном уровне проповедуют эту идею всякие «истинно русские люди» вроде Александра Турика и Владимира Бондаренко. Изредка (к счастью, пока только изредка) всплывает злобная тощая харя одного из самых злостных реакционеров времен царизма Константина Победоносцева.

И все это спокойно воспринимается творческой интеллигенцией. Интеллигенцией – заметь! Их привлекает величие этих лозунгов. Но им как будто невдомек, что за величие надо платить. Я уж не говорю про обывателей, особенно про обывательски настроенную молодежь. Тут вообще одна мораль – пьянки и потрахушки.

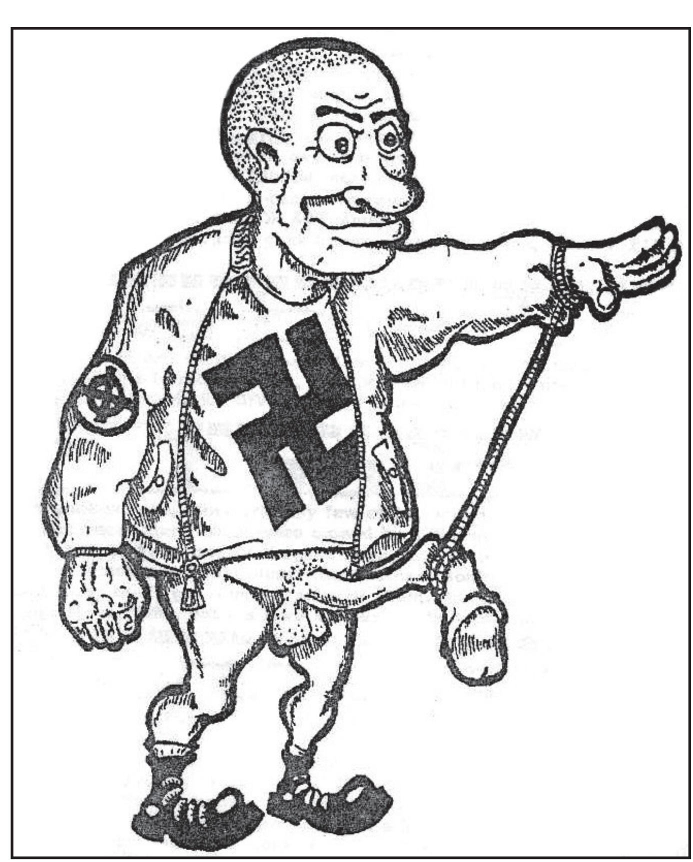
Наша интеллигенция как будто в облаках витает. Как будто не может понять, что имперская идея вкупе с «православной верой», «христианской моралью», «общественной нравственностью» (или как они еще называют эту лицемерную хрень, мне все равно) абсолютно не воспринимается подавляющим большинством нашей молодежи! Интересно было бы творческих интеллигентов спросить – а чего ж вы сидели смирно на своих задницах, когда «демократизация» шла? Чего ж вы тогда молчали? Видимо, поняли, что теперь, когда народ, как расчетливой творческой интеллигенции кажется (подчеркиваю – КАЖЕТСЯ), от паленого спиртного ни хрена не соображает, им теперь опять можно «Великую империю» строить – по образцу империи Николая I, Александра III или Николая II. Что ж, может, эта империя и была великой. Может, ее боялись. Но отдельным людям (особенно рабочим и крестьянам) приходилось за это очень дорого платить. Да и она, в конце концов, не оправдала себя – тем, что РУХНУЛА. Рухнула, похоронив под собой своих создателей и почитателей. Чем-то

мне сегодняшняя ситуация конец XIX века напоминает. И меня терзают смутные сомнения – а может, опять будет революция? Хотелось бы… Ведь далеко, куда как далеко от нас счастье обывательских овец – «смирение и покорность»… Один мой знакомый, правда, сказал – нет, не будет революции. Он считает, что сейчас слишком много людей, которые всем довольны. Я думаю, он не прав. Недовольных много. Просто сейчас недовольство заливается спиртным и страхом – «а не было бы чего…». Вот! Трезвость, смелость и ясность ума – наши первейшие союзники! Если будем почаще задавать спасительный вопрос «кому выгодно» и научим других его задавать – мы, революционеры, не пропадем втуне!

Dragonhawk

бей фашиста прямо в лоб

Страна победившего фашизма.

Несколько месяцев назад по всем СМИ шли сообщения о двух трагических событиях – однодневной войне в Нальчике и убийстве перуанского студента в Воронеже.

В одной из передач, посвященных воронежскому преступлению, неких «политолог» выдал характерный «рецепт». «Если скинхеды действительно любят свой народ, свою родину, – сказал он, – то пусть они не убивают беззащитных иностранцев, а едут в Чечню и борются там с бандформированиями». И тут же прошла информация к размышлению: за 10 лет количество иностранных студентов в России сократилось в два раза, но даже сейчас они приносят нашему государству ежегодный доход в 200 миллионов долларов.

То есть убивать китайцев, африканцев, латиноамериканцев нехорошо, потому что это экономически невыгодно, а убивать чеченцев и ингушей на Кавказе – дело чести, доблести и геройства. По данным Всероссийского общества «Мемориал» люди там гибнут практически каждый день, и это отнюдь не боевики, а мирные жители.

После вьетнамской войны 90 процентов военнослужащих армии США совершили преступления на территории своей любимой Америки. Интересно, какой процент наших «афганцев» и «чеченцев», вернувшись домой, сделало то же самое в России?

Неужели «политолог» считает, что скинхеды, пройдя в горячих точках боевую подготовку, станут полезными членами общества? Или он тайно надеется на то, что горцы перебьют бритоголовых подонков и тем самым помогут очищению России от этого мусора?

Если верно последнее, то я его полностью поддерживаю. Можно предложить еще более радикальное средство. По данным МВД в стране насчитывается 30 тысяч скинхедов, а по данным правозащитных организаций – 50 тысяч. А что для нас 50 тысяч, если только в Чеченской войне мы больше 100 тысяч положили? Взять да и перестрелять доморощенных фашиков всех до единого!

Скажи такое на полном серьезе, и тут же обвинят в фашизме, в призыве к геноциду русской молодежи. Это и впрямь негуманно и недемократично. А желать, чтобы отморозки поменяли нож и бейсбольную биту на автомат и гаранатомет и дали выход своей кровожадности в чужой стране, гуманно?

После воронежского убийства, опозорившего Россию на весь мир, государственные мужи и присяжные журналисты, заговорили, наконец, о фашистской угрозе, о том, что бороться с фашизмом должны не только правоохранительные органы, но и само общество. И это после того, как они же больше пятнадцать лет насаждали в обществе фашистскую психологию. Это и расстрел Белого дома в октябре 1993 года, и две чеченские войны, и расистские законы о мигрантах, и насаждение образа врага в «лице кавказской национальности». Это и издевательство над собственными законами, при котором из сотен уголовных дел, возбужденных за разжигание расовой и национальной розни, до суда доведены единицы (хотя реальных случаев этого разжигания не сотни, а тысячи).

Фашисты от литературы, обласканные как коммунистами, так и «демократами», много лет тискают свои убогие статейки о патриотизме, русской национальной идее, борьбе с сионизмом, а теперь с «желтой» и «черной» опасностью в самых известных и многотиражных изданиях.

Приходится признать, что в 1945 году советский народ победил гитлеровскую Германию,

Сексуальное подавление ведёт к одержимости смертью, а она, в свою очередь, к дурной политике, то есть фашизму.

а вовсе не фашизм. Фашизм остался в России и пустил глубокие корни.

Поэтому-то студенты Воронежского юридического колледжа, не бритоголовые, а на вид обычные ребята, не стесняясь и никого не боясь, говорят перед телекамерой: «Ну и правильно, что иностранца убили! Поменьше бы их в Воронеже!». Это будущие правоведы говорят. Они знают, что многие телезрители разделяют их мнение, и у них много покровителей во всех властных структурах. Так что всем этим «политологам» стоит вспомнить пословицу «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива», они сами воспитали поколение фашистов.

Теперь горькая пилюля для последних. В 2003 году ряд скинхедских организаций из славянских республик СНГ, Польши, Чехии, а также Закавказья обратились с просьбой о приеме в международное объединение «Кровь и честь» – одну из крупнейших международных нацистских банд. Реакция фашистского «интернационала» весьма интересна. Туда охотно приняли осетин, как единственных арийцев на территории бывшего СССР.

Взяли также армян, совершенно неясно, почему. Всем остальным было категорически отказано. Причем если грузинам и азербайджанцам вообще без всяких объяснений, то славянам откровенно сказали, что они – «недочеловеки, ублюдочная низшая раса, совсем ненамного лучше евреев». Интересно, знают ли об этом русские скинхеды? Скорее всего, нет. В таких организациях каждый должен знать только то, что ему положено. А если бы узнали, призадумались бы? Вряд ли. Думать там тоже не полагается. Да и нечем. Не состоялись бедные арийцы! Не признают русских фашиков за своих! И никогда не признают.

Любая идеология расового превосходства исключает равенство даже среди своей нации. Если свобода и равноправие отвергаются, то везде и для всех. Даже в случае победы нацистов большинство рядовых участников этого движения никогда не выбьются из грязи в князи, сколь бы ревностно они не служили своим фюрерам. Поди объясни это фашикам! Впрочем, бессмысленно метать бисер перед свиньями.

Необходимо просто давать жесточайший отпор ультраправым всегда и везде, как это сделали недавно жители одного американского городка, разогнав как манифестацию нацистов, так и охранявших ее полицейских. Потому что в случае их победы сопротивляться бритоголовой чуме будет уже некому.

Игорь Подшивалов

В материале использованы данные из газеты левой антитоталитарной альтернативы «Радикальная мысль», № 1, 2005 год (109443, Москва, а/я 7).

PS. В ноябре минувшего года в Санкт-Петербурге неонацистами был зверски убит анархист и антифашист, музыкант хардкор-банды «Sandinista» Тимур Качарава. Это преступление – очередной вызов подонков, считающих себя истинно русскими людьми, народу, победившему фашизм.

вольная сибирь

«В Сибири я утратил всякую веру в государственную дисциплину»

«Я очень люблю Толстого, но мне часто казалось, что Кропоткин был тем, о чём писал Толстой. Он просто воплотил в своей личности тот идеал нравственной чистоты, спокойного, ясного самоотречения и совершенной любви к людям, которого мятущийся гений Толстого хотел достичь, но всю свою жизнь достигал только в искусстве». Это слова Ромена Роллана об одном из самых выдающихся людей прошлого столетия, учёном и революционере-анархисте Петре Алексеевиче Кропоткине.

Товарищи по революционному кружку шутили, что у него – потомка Рюрика в тридцатом колене – больше прав на российский престол, чем у династии Романовых, однако ещё в Пажеском корпусе он упорно отказывался ставить перед своей фамилией титул «князь».

Окончив корпус первым выпускником, он, вместо того, чтобы остаться в гвардии, записывается в Амурское казачье войско и уезжает в Сибирь.

«Пять лет, проведённых мною в Сибири, были для меня настоящей школой изучения жизни и человеческого характера.

Я приходил в соприкосновение с различного рода людьми, с самыми лучшими и с самыми худшими, с теми, которые стоят на верху общественной лестницы, и с теми, кто прозябает и копошится на последних её ступенях: с бродягами и так называемыми неисправимыми преступниками».

Он прибыл в Иркутск в сентябре 1862 года, когда «перестройка», объявленная Александром II, в России уже заканчивалась – царь топил в крови крестьянские бунты, расстреливал демократически настроенных офицеров, а в следующем году уже давил восстания в Польше и Литве, громил прогрессивные журналы. Уже был приостановлен «Современник», сослан на каторгу поэт М.И.Михайлов, арестован Н.Г.Чернышевский. Именно поэтому молодой офицер не захотел остаться в столице. Он надеялся, что в провинции ему больше удастся сделать для осуществления реформ, столь необходимых России.

«Стоит пробыть в Иркутске два-три дня, чтобы убедиться, что этот город не похож на любой другой из великорусских губернских городов. Иркутск – столица самостоятельной части Восточной Сибири, которая в высшей степени своеобразна: своеобразность страны должна была, конечно, означиться и на столице».

В своих мемуарах Кропоткин отмечал, что в то время высшая сибирская администрация была «гораздо более просвещённой и, в общем, гораздо лучше, чем администрация любой губернии в Европейской России».

Всё течёт, всё меняется. Кропоткина назначили чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Корсакове, который заявил, что очень рад видеть возле себя людей либерального образа мыслей. Губернатор думал, что молодой аристократ сослан в Иркутск за какую-нибудь провинность. Кропоткин стал секретарём двух комитетов – реформы тюрем и системы ссылки и выработки проекта городского самоуправления. Было ему всего двадцать лет.

Вскоре он отмечает в Иркутске присутствие многих молодых деятельных людей, жизнь которых придаёт обществу особый колорит, не забывает о влиянии, оказанном на Восточную Сибирь политическими ссыльными. К тёмным сторонам сибирской жизни Кропоткин относит «класс загулявшего военного люда,

ANTIJOB-АФОРИЗМ – Работа - последнее прибежище тех, кто больше ничего не умеет. Оскар Уайльд

который, к сожалению довольно многочислен...Попав в эту маленькую столицу, эти люди начинают пить и под конец обращаются в героев гостиниц, бильярда, карт и водки. В другом месте они безвредно коптили бы небо, а тут безлюдье и одиночество заставляет их выкидывать разные штуки».

В Иркутске существовало тогда две библиотеки: казённая и частная. Казённая приходила в упадок – подписчиков почти не было, книги растеряны, средства исчерпаны. Совсем другое впечатление производила частная библиотека местного литератора М.П. Шестунова. «Браво, Иркутск! Какая здесь публичная библиотека!» - восклицает Кропоткин. Библиотека Шестунова представляла своего рода клуб, здесь не только читали, но и оживлённо спорили по поводу прочитанного. Многие редакции безвозмездно присылали сюда экземпляры журналов, кроме того, фонд пополнялся частными лицами.

«И с этой стороны Иркутск опередил многие города в России», - с удовлетворением отмечает Кропоткин. К сожалению, эти слова трудно применить к нашему времени.

Он с увлечением принялся за работу, вскоре увлёкся географическими экспедициями. Близко познакомился с Читой, с Байкалом, с бурятской степью, с забайкальскими реками Шилкой и Ингодой, с городами и селениями, Качугом, Кабанском, Верхнеудинском.... Совершил путешествия по Амуру, через Большой Хинган и Сунгари, проник в Маньчжурию, исследовал Саяны и Патомское нагорье. По заданию Сибирского отдела Географического общества Кропоткин взялся найти кратчайший путь с Ленских приисков в Забайкалье. За годы исследований он проделал более семидесяти тысяч вёрст на перекладных, на пароходах, на лодках и, главным образом, верхом. Именно в Сибири зародилась его ледниковая теория, разработку которой он закончил в Петропавловской крепости. Именно в Сибири начали формироваться его философские и политические воззрения.

«Воспитанный в помещичьей семье, я вступил в жизнь с искреннем убеждением в том, что нужно командовать, приказывать, распекать, наказывать и тому подобное. Но как только мне пришлось выполнять ответственные мероприятия и входить для этого в сношения с людьми, я понял разницу между действием на принципах дисциплины или же на началах взаимного понимания. В Сибири я утратил всякую веру в государственную дисциплину: я был подготовлен к тому, чтобы сделаться анархистом».

В 1866 году на Кругобайкальской железной дороге ссыльные поляки подняли восстание и совершили отчаянную попытку уйти в Китай через Монголию. В короткой схватке с войсками повстанцы, вооружённые косами, убили русского офицера, после чего военный суд, состоявшийся в Иркутске, приговорил пятерых вожаков к расстрелу. Кропоткин и его старший брат Александр, командовавший в Иркутске кавалерийской сотней, как настоящие русские интеллигенты, были возмущены жестокой расправой с восставшими и подали в отставку. Уйдя с военной службы, Пётр Кропоткин вернулся в Россию.

Последующие пять лет своей жизни он посвятил науке. Учился в университете, стал секретарём Русского географического общества, но чистая наука перестала его удовлетворять, и в 1872 году тридцатилетний учёный едет в Швейцарию для знакомства с деятельностью Международного Товарищества Рабочих.

Интернационал переживал в ту пору сложный период. Юрская Федерация восстала против Генерального Совета, стремившегося сосредоточить руководство мировым революционным движением в своих руках, то есть в руках Маркса и Энгельса. Признанным идеологом Юрской федерации был знаменитый революционер Михаил Бакунин, бежавший из Иркутска после девяти лет тюрьмы и четырёх – ссылки за год до приезда туда Кропоткина. История распорядилась так, что два великих анархиста так ни разу и не встретились, хотя пути их неоднократно могли пересечься. Во время приезда Кропоткина в Швейцарию Бакунин жил в Италии, а когда через четыре года Пётр Алексеевич бежал из тюрьмы и вновь появился за границей, Бакунин уже умер. Зато в первый свой приезд в Швейцарию Кропоткин познакомился с участниками Парижской коммуны и ближайшими соратниками Бакунина, после чего решил отдать свою жизнь делу освобождения трудящихся. «Они борются, - думал он, - мы им нужны, наши знания, наши силы им необходимы – я буду с ними!»

Вернувшись в Россию, он быстро вошёл в дружную семью чистых и нравственно выдающихся людей, вошедшую в историю под названием кружка «чайковцев». Среди них были Софья Перовская, Сергей Кравчинский, Дмитрий Клеменц, Марк Натансон. Одних ждал эшафот, других – ссылки, тюрьмы, каторга. Не минула сия чаша и Кропоткина. Весной 1874 года князь Кропоткин попал в Трубецкой бастион, где провёл два года. «Мои мысли останавливались на Бакунине, который хотя и прожил шесть лет в Алексеевском равелине, однако вышел из тюрьмы более энергичным, чем многие его товарищи, которые всё это время пробыли на свободе. Он выжил всё это, говорил я самому себе, так и я не поддамся тюрьме».

На исходе второго года заключения Кропоткин дерзко бежал из тюремного госпиталя и вновь оказался за границей, на сей раз на целых сорок лет. Не буду подробно описывать его жизнь в эмиграции, на это уйдёт слишком много времени. Было и участие в европейском рабочем движении, и научные изыскания в области истории, географии и социологии, и три года заключения во французской тюрьме. Автора романа «Овод» Э.Л. Войнич считала его, Кропоткина, и итальянского анархиста Энрико Малатеста «двумя единственными действительно святыми людьми», которых она знала, да и не только она. Английский писатель Оскар Уайльд называл Кропоткина «белым Христом из России», что крайне смущало самого Петра Алексеевича.

Гуманизм Кропоткина был неразрывно связан с его восприятием мира, природы, с его идеалами анархии. Власть, насилие присутствует и в общественном хаосе, и в насильственных беспорядках, и в банде грабителей. Анархия пробивает себе дорогу лишь там, где отступает власть человека над человеком, и означает лишь одно: свобода человека не должна ущемлять свободы других людей. Зачатки анархии – во всяком творчестве, в самоуправлении. Кропоткин сформулировал свой биосоциальный закон взаимной помощи, в котором, на основе учения Дарвина, утверждал, что жизнь основана на взаимной поддержке, а борьба плодотворна лишь тогда, когда разрушает старые, отжившие формы и утверждает новые, основанные на принципах солидарности и свободы. Идеал анархии действительно опасен. Он опасен для любой элиты, которая пытается сохранить себя с помощью лжи и насилия. Основой же систематического насилия является государственная власть.

«Анархия ведёт своё происхождение не от какого-нибудь научного открытия и не от какой-нибудь системы философии... Анархизм родился среди народа, и он сохранит свою жизненность и творческую силу до тех пор, пока будет оставаться народным».

В марте 1917-го он вернулся в Россию. На вокзале ему устроили настоящий триумф – тысячи людей, запрудившие привокзальную площадь, десятки трепещущих на весеннем ветру красных и чёрных знамён. Эти минуты были наградой за десятилетия. О последнем периоде жизни Кропоткина до недавнего времени старались не писать – дескать, вернулся на родину и умер. А между тем годы, прожитые по возращении из эмиграции, являются самыми трагичными в его жизни. Безуспешно призывал он отвергнуть террор, как большевиков, так и тех, кто клялся его именем – анархо-коммунистов. Его беда заключалась в том, что матрос Железняков и ему подобные никогда не читали его трудов и не задумывались над его словами: «Всякий имеет право на жизнь. Избиение буржуа ради триумфа революции – это безумие». Террор выгоден новым якобинцам для того, «чтобы наименее добросовестный из них

добился власти», террор «служит лишь для того, чтобы ковать цепи для народа». Анархо-коммунисты поддержали большевиков и помогли в их восхождении к власти, и большинство из них вскоре поплатились за это. Кропоткин пытался не раз вмешаться в события, писал много писем в органы новой власти, около двадцати из них адресовал лично Ленину. Старого анархиста привели в ужас методы, используемые большевиками, - аресты семей политических противников, расстрелы заложников, пытки.

«Неужели среди вас не нашлось никого, чтобы напомнить своим товарищам и убедить их, что такие меры представляют возврат к худшим временам Средневековья, и что они недостойны людей, взявшихся созидать будущее общество на коммунистических началах. Даже короли и папы отказывались от таких варварских способов самозащиты, как заложничество. Как же могут проповедники новой жизни прибегать к такому орудию? Озлобление, вызванное в рядах ваших товарищей после покушения на вас и убийства Урицкого, вполне понятно. Но что понятно для массы, то непростительно для «вожаков» вашей партии. Их призывы к массовому красному террору, их приказы брать заложников, массовые расстрелы людей, которых держали в тюрьмах специально для этой цели – огульной мести.... Это недостойно руководителей социальной революции!»

Кропоткин писал Ленину, что «Россия стала Советской Республикой лишь по имени. Правят в России не Советы, а партийные комитеты. Людьми, никогда не знавшими действительной жизни, на каждом шагу совершаются самые грубые ошибки, за которые приходится расплачиваться тысячами жизней и разорением целых округов. Если теперешнее положение продлится, то самое слово «социализм» обратиться в проклятие».

«Самый человечный человек» ответил на взволнованный призыв апостола анархии презрительной усмешкой: «Как устарел! Вот бедность идей анархистов и всех других мелкобуржуазных реформаторов, которые в момент массового творчества, в момент революции никогда не могут дать ни правильного плана, ни правильных указаний, что делать и как быть. Вот если только послушать его на одну минуту – у нас завтра же будет самодержавие, и все мы, и он между нами, будем болтаться на фонарях, а он только за то, что называет себя анархистом». (Бонч-Бруевич В.Д. Воспоминания о Ленине. М., 1969 г.).

Всё же кое-какие мелкие уступки Ленин Кропоткину делал. Когда в 1920 году арестовали лидера кадетской партии профессора-историка С.П. Мельгунова, Кропоткин лично приехал к Ленину из Дмитрова, и Мельгунова (будущего автора книги «Красный террор в России») освободили. У Ленина была хорошая память – он помнил, как много лет назад эмигрант Кропоткин поднимал общественное мнение Европы и Америки в защиту приговорённых к казни Александра Ульянова и его товарищей.

Кропоткин умер 8 февраля 1921 года. По просьбе его дочери большевики выпустили под честное слово семерых видных анархистов, сидевших в Бутырской тюрьме, для того, чтобы они смогли проводить в последний путь своего патриарха. 10 февраля тысячи людей прощались со старым революционером. Первыми за траурной колесницей шли анархисты под чёрными знамёнами, следом – под красными – колонны трудящихся Москвы. На Новодевичьем был организован траурный митинг, где произносили речи анархисты Швейцарии, Франции, Бельгии, Америки, члены толстовских коммун, деятели советского правительства. А у гроба в почётном карауле стояли анархисты России. Вечером они все до единого вернулись в тюрьму.

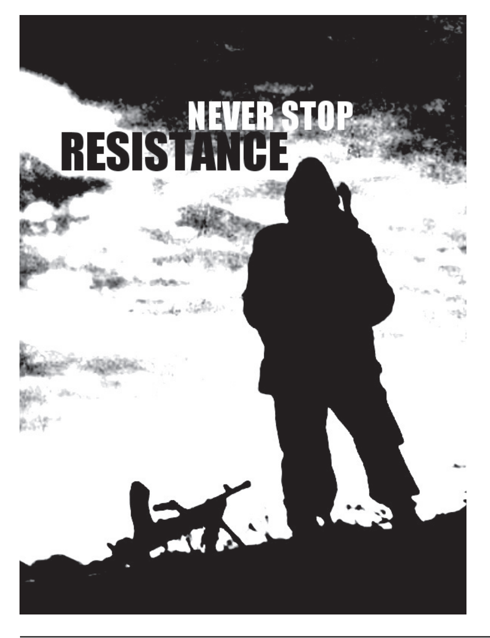
Некоторые вскоре погибли, некоторые дожили до конца 20-х годов и, вопреки репрессиям, вели мирную пропаганду и профсоюзную работу, пока навсегда не исчезли в ГУЛАГе. В честь 150-летия П.А. Кропоткина ЮНЕСКО объявил 1992 год годом его имени.

Игорь Подшивалов

рассказ

Франц Кафка

ВОЗЗВАНИЕ

В нашем доме, в этом чудовищном доме в предместье, густонаселенной громадине, проросшей неистребимыми средневековыми руинами, сегодня, туманным ледяным зимним утром, было распространено следующее воззвание:

Ко всем моим товарищам по дому!

У меня есть пять детских ружей. Они висят у меня в шкафу, на каждом крючке по одному. Первое принадлежит мне, заявку на другие может подать кто пожелает. Если заявок окажется больше чем четыре, лишние должны будут принести свои собственные ружья и сложить их в моем шкафу. Ибо нужно единообразие, без единообразия мы вперед не продвинемся. Кстати сказать, все мои ружья ни для чего прочего не пригодны, механизм испорчен, затычка оторвана, только курки еще щелкают. Нетрудно будет, значит, добыть, если понадобится, добавочные ружья. Но, в сущности, на первое время мне подойдут и люди без ружей. В решающий миг мы, обладающие ружьями, поместим невооруженных в середине. Эта тактика оправдала себя в войне первых американских фермеров против индейцев, почему же ей не оправдать себя и здесь, ведь обстоятельства сходны. Можно, значит, на какой-то срок вообще отказаться от ружей, и даже эти пять ружей нужны не обязательно, но раз уж они налицо, их следует применить. Если же четверо других не захотят носить их, то пусть и не носят. Тогда я один, как вождь, буду носить ружье. Но у нас не должно быть вождя, поэтому я свое ружье сломаю или спрячу».

Это было первое воззвание. В нашем доме ни у кого нет ни времени, ни охоты читать воззвания, а тем более обдумывать. Вскоре мелкие клочки бумаги плавали в потоке грязи, который идет с чердака, получает пополнение из всех коридоров, стекает по лестнице и там борется с встречным потоком, накатывающим снизу. Но через неделю появилось второе воззвание:

Товарищи по дому!

Никто до сих пор ко мне не являлся. Я непрерывно, отлучаясь лишь из-за необходимости зарабатывать на жизнь, находился дома, а в мое отсутствие, во время которого дверь моей комнаты всегда оставалась открытой, на столе у меня лежал листок, где мог записаться каждый желающий. Никто этого не сделал».

Газета движения «Автономное Действие» (иркутская группа)
Мнение авторов статей может не совпадать с мнением редакции
Тираж: менее 1000 экземпляров
Связь с редакцией: **irkutsk@avtonom.org**